

Владимир ТУЧКОВ

Владимир Тучков родился в 1949 году в Подмосковье. Окончил факультет электроники Московского лесотехнического института. Стихи и проза публиковались в России, Болгарии, Венгрии, Германии, Дании, Израиле, Нидерландах, Словакии, США, Украине, Франции, Швеции как на русском языке, так и в переводах. Автор двух сборников стихов и двенадцати книг прозы. Ряд рассказов был включен в «Антологию русского XX века. 50 авторов», вышедшую в издательстве Academic Studies Press, США. Предыдущая публикация в «Волге»: рассказ «Черный полковник» (2019, № 11-12).

ЛЮБОВЬ В ГОРОДЕ МЕРТВЫХ

Повесть

Адуляр, как известно далеко не всем, – это научное название Лунного камня. Того самого, который используется в ювелирных целях и отличается сияющими голубыми переливами. В связи с чем ему приписываются магические свойства.

Еще меньшему количеству жителей Подмосковья известно, что в одичавших волоколамских местах расположен городок с тем же самым названием – Адуляр. Разумеется, название это неофициальное. Его присвоили сталкеры абсолютно слепому месту на карте Волоколамского района Московской области, закрашенному зеленой – лесной – краской.

То есть в этом месте ничего, кроме шума верхушек сосен в ветреную погоду и весеннего щебета птиц, не должно быть.

В свое время это место спрятали и от мирных обывателей, и от злокозненных шпионов люди в погонах и с эмблемой войск ПВО в петлицах.

Но сейчас, когда это запрытывание утратило какой-либо смысл, небольшой прямоугольничек земной поверхности, расположенный между Волоколамском и деревней Нарынкой, по-прежнему остается зеленым. Как, скажем, изумруд. Хотя при его изображении на правдивой, то есть истинной, карте необходимо использовать бледно-голубую и при этом мерцающую краску.

Так что неслучайно сталкеры называют Адуляр еще и городом-призраком.

Хоть его официальное название раньше было зашифровано в виде букв и цифр – в/ч 51850.

Александр, мой старинный друг и товарищ, перешагнув пятидесятилетний рубеж, стал чудить. Ну, с точки зрения, конечно, обывательского представления о том, каким должен быть здравый смысл проживания на земле, с маленькой, разумеется, буквы. Поскольку обыватель сконцентрирован только на том, что находится у него под ногами – почва, то есть земля. Земля как планета, вращающаяся в безбрежном космосе, его мало интересует. Лишь прочитает в какой-нибудь не очень умной газетенке, что с минуты на минуту Землю может задеть хвост пролетающей мимо кометы, и помрачнеет на непродолжительное время. Но вскоре позабудет, поскольку надо ходить на работу, выплачивать кредиты за квартиру и автомобиль, готовиться к приближающемуся отпуску, посетить троих врачей, которые приговорили его к пожизненному у них обслуживанию, смотреть матчи какого-нибудь очередного чемпионата мира и так далее, и тому подобное.

Александр же потянулся ко всему таинственному и загадочному. Не в мировом, к счастью, смысле. То есть не в психиатрическом, когда люди начинают искать следы посещения Земли летающими тарелками, глотают публикации про полтергейст, хилерство, про тонкие тела, про прорицания и экскурсии в загробный мир.

Нет, Александр отыскивал то, до чего у него прежде «не доходили руки». В связи с чем он считал, что в прошлом он сам себя здорово обкрадывал.

Взять, например, музыку. Нет, с классикой он, конечно, соприкасался. Но вот музыка конца двадцатого века – начала двадцать первого совсем прошла мимо него стороной. И он по каким-то сетевым объявлениям стал посещать концерты, если их, конечно, можно так назвать, самых радикальных авангардистов. Все это происходило, разумеется, не в залах. И даже не в клубах. А в каких-то, пожалуй, «пространствах», которые прежде использовались для производственных и складских целей. Да так и остались в первозданном своем виде после того, как последний рабочий покинул территорию предприятия, которое его когда-то кормило.

Потом Александр переключился на поэзию. Но не на какую-то попсовую, а, как он говорил в тот свой период, на истинную. Однажды он приволок меня на одно из таких мероприятий. С точки зрения литературоведа, готовящего диссертацию, это было, вероятно, интересно. Нет, до Алексея Елисеевича Крученых современные истинные поэты не дотягивали. Но это делалось, как я понял, вполне сознательно и осмысленно, а не от недостатка таланта. Просто теперь перед поэзией стояла другая задача, в которую не входила вивисекция слов и звуков, их передающих. Точнее, имитирующих. Никакой неологистики не было. Все слова использовались в строгом соответствии с орфографией. Однако синтаксис был настолько причудливым, что, с точки зрения фразеологии, такие стихи не могли относиться к русскому языку. Когда я признался, что ничего не понимаю, Александр, снисходительно улыбнувшись, сказал: надо прислушиваться к вибрациям души, возникающей от ассоциативной атаки по-новому осознающих себя слов, вырвавшихся на свободу.

В конце концов Александра потянуло в сторону тлена. То есть он начал примерять на себя роль сталкера, исследующего давно заброшенные объекты, стремительно превращающиеся в руины. Именно стремительно, поскольку Россия – не Греция. И тем более не Египет. Потому что в России все строительные объекты возводятся не для того, чтобы предъявить их отдаленным потомкам, которые придут спустя столетия. У нас все постройки/новостройки предъявляются приемочной комиссии. Ну, а там хоть трава не расти.

Объездив ближайшее Подмосковье – заброшенные заводы, неработающие электростанции, разрушающиеся вокзалы на упраздненных железнодорожных ветках, исключенные из сметы управления по культуре Московской области Дворцы культуры, которые от полного разрушения спасают подпорки дорических колонн, – Александр решил совершить дальний вояж на объекты военной ориентации. Поразмывляя, выбрал Адуляр. Куда и пригласил меня за компанию прогуляться на издавшем виды «шевроле».

Разумеется, заблаговременно он натаскал в интернете побольше сведений о городе-призраке. Так что вполне смог бы водить по нему экскурсии. Сказал, что интереснейших объектов будет множество, а потому нам нужно будет выехать чуть ли не с восходом солнца. Учитывая, что это было лето, то рассвет приходился на три часа. Однако я уломал его перенести старт на три часа позже.

Вполне понятно, что первую половину пути я проспал. Поскольку пять часов, когда надо было вставать, это для меня не утро, а ночь, довольно глубокая.

А потом, когда на подступах к городу-признаку начались ухабы, слушал от Александра подробное описание истории возникновения военного городка и его бесславной кончины.

Его открыли в 1955 году, заселив солдатиков в казарму, к настоящему времени не сохранившуюся. А офицерам войск ПВО с семьями предоставили отдельные квартиры, что по тем временам было неслыханной роскошью. Все это воинство обслуживало зенитно-ракетные комплексы С-25, которые в случае необходимости должны были отражать воздушные нападения противников на Москву.

В систему ПВО Москвы входил целый ряд подобных гарнизонов, которые окружали столицу двумя кольцами. Чтобы комар к Кремлю не пролетел.

Кстати, была еще одна оборона Москвы, противоракетная, которая должна была сбивать баллистические ракеты. Но этот гарнизон к ней не имел никакого отношения.

В Адуляре никаких ракет не было. Военнослужащих с какой-то периодичностью развозили на точки, где в шахтах были установлены зенитные ракеты. В гарнизоне они жили. Солдатики несли караульную и всякую прочую службу, без которой жизнь в отрезанном от цивилизации городке была невозможной. Были истопниками, делали всякую слесарную и плотницкую работу, убирали территорию, работали на кухне. Были и гражданские – прежде всего в медсанчасти и в детском саду. Был магазин со всем необходимым. Ну и еще множество всяческих строений, главным из которых было административное здание.

Вся эта советская военно-гарнизонная идиллия продолжалась до середины девяностых годов, когда часть начали сворачивать в связи с проигрышем Штатам холодной войны. Но до середины нулевых тут еще теплилась какая-то жизнь.

А потом Адуляр стал мертвым городом, о котором уже самое время начинать слагать мифы и легенды. Как об Атлантиде.

Александр подъехал к воротам, на которых красовалась каноническая звезда. Если бы она была просто нарисована на металлическом листе красной краской, то от нее не осталось бы и следа. Однако эта воинская часть имела статус особо важного объекта. Поэтому на воротах была тисненая при помощи штамповки звезда, выпуклая в сторону незваных гостей.

Поскольку никаких гостей тут давно уже не ждали, замок на воротах отсутствовал. И мы медленно поехали по выложенной железобетонными плитами дороге, вполне сохранившейся.

Собственно, зачем Александр сюда приехал, то он получил с избытком. А именно – запустение и следы безжалостной работы природных стихий. Хотя, как узнали мы чуть позже, к этому делу приложили руки и мародеры.

Зрелище было действительно печальное. Особенно удручала детская площадка перед одним из двух пятиэтажных домов. Качели, карусели – эти детские забавы, помнящие, вероятно, звонкий ребячий смех, – были искорежены, словно здесь бесновался одноглазый циклоп.

Прошлись по квартирам. В двух трехподъездных пятиэтажках их было ровно сто двадцать. Вполне возможно, что с семьями офицеры жили еще и в каких-то других домах. Нам попало штук шесть или семь двухэтажек, эти были постройками пятидесятых годов. Что-то было украдено мародерами. Например, отопительные батареи, унитазы... Но где-то стояли газовые плиты – сюда, несомненно, протянули газопровод, чтобы защитники столицы (читай – Кремля) ни в чем не нуждались. Кое-где была и незатейливая мебель. В ту пору все было незатейливым. Ну, и всякий бытовой сор, брошенный второпях – книжки, магнитофонные кассеты, какое-то затрапезное тряпье... Мало ли что человеку оказывается ненужным в экстремальных ситуациях, к которым приравнивается переезд. Хуже переезда только пожар.

Сходили «в магазин», о чем свидетельствовала сохранившаяся вывеска. Эти ничего не забыли. Хотя, конечно, сталкеры могли прибрать к рукам брошенные продукты. Нет, не сталкеры, конечно, у них свои цели, отнюдь не меркантильного характера. А те же самые мародеры из окрестных деревень, которым зачем-то понадобились батареи и унитазы.

В магазине была лишь разбитая витрина да кассовый аппарат. Тот самый, древний, у которого нужно крутить ручку, чтобы отпечатался чек.

Городок был действительно городком, а не деревней с одной куцей улицей. То есть блуждали мы по нему довольно долго, фиксируя в памяти цифрового аппарата разрушенный советский уклад, брошенный умирать без причастия и отпевания.

Наглядная агитация, повествующая о том, как надо обращаться с автоматом, как крепить обороноспособность Родины, как хранить государственные секреты. Разумеется, были и чисто бытовые наставления, поскольку в армии принято регламентировать абсолютно все стороны жизни военнослужащего. На пожелтевших плакатах внутри административных зданий красовались румяные солдаты в надраенных до блеска сапогах, с белоснежными подворотничками. Были наставления для младшего командного состава, то есть для сержантов. Не были обойдены мудростью армейской пропаганды и младшие офицеры – от лейтенанта до капитана. А в медсанчасти – всюду люди, терзаемые страстями! – был даже обнаружен плакат с описанием признаков венерических заболеваний и причинами заражения.

Так мы и бродили, погруженные в невеселые думы – это все, что осталось от несокрушимой Советской армии?

Гараж с пятнами разлитого масла на полу. Довольно примитивное оборудование – тиски, поломанный сверлильный станок, два баллона синего цвета в углу. И наконец-то попался даже автомобиль. Красного цвета. «Жигули». С выбитыми стеклами. С оторванной задней дверью. Под капот мы даже и не стали заглядывать.

Электрическая подстанция со щитами, из которых была вырвана проводка. Но рубильники были целы. Сохранился и трансформатор.

Насосная станция.

Руины казарм. То есть стены есть, частично, но крыша провалилась внутрь довольно просторного здания.

Самое гнетущее впечатление произвел детский садик. С десятком уцелевших шкафчиков, на которых были нарисованы уточки, зайчики, медвежата, лисички... Пара низеньких столиков, опрокинутых, ножки беззащитно торчат кверху. Поломанный стульчик. Один целый. Помятый никелированный горшок, словно кто-то – зачем? – пару раз ударил его кувалдой.

Медсанчасть оказалась довольно просторной. Насчитали пятнадцать кабинетов. На дверях кое-где даже сохранились таблички – окулист, хирург, зубной, физиотерапевт... Был даже (но, скорее – была) гинеколог. Собственно, ничего удивительного. Основной контингент, здесь проживавший, – лейтенанты. Естественно, молодые. С молодыми же женами. А им, разумеется, рожать и рожать.

По прошествии многих лет безлюдья уже выветрились специфические больничные запахи – спирта, йода, мази Вишневского, прочих притирок, припарок и снадобий, которые в ходу у медиков.

Разумеется, медицинские карты были вывезены. Поскольку их содержимое считается военной тайной.

Но всякого мусора медики оставили после себя предостаточно. Рванные халаты, у которых был уже такой вид, будто ими мыли полы. Одноразовые шприцы. Резиновые перчатки. Какие-то поломанные инструменты, принадлежавшие врачам неизвестно какой специализации. А также масса всевозможных бумаг, бумажек и бумажищ крупного формата. Из мебели сохранилось лишь пара шкафов, три кушетки и гинекологическое и зубоврачебное кресла.

Пора уже было возвращаться домой, поскольку летний вечер уже был готов перейти в фазу непроглядной ночи.

И я решил взять с собой какой-нибудь трофей. Ну, или сувенир на память, если без военной терминологии.

И тут мне в голову пришла совершенно бредовая мысль – найти что-нибудь этакое, эксклюзивное. Что, может быть, кто-то спрятал от чужих глаз. Ну, как шпионы оставляют в условленном месте для связника информацию. За которой по какой-то причине связник не смог прийти. Найти здесь, где уже все неоднократно обшарено и мародерами, и сталкерами!

И я начал обследовать кабинет за кабинетом, выискивая тайник.

Александр мрачно наблюдал за моими действиями, периодически предлагая перестать маяться дурью. Но на меня напал раж. Может быть, даже предчувствие какое-то было, что я найду неведомое искомое.

Даже стены простукивал в поисках пустот.

Зачем-то повалил на бок зубо врачебное кресло...

И вдруг заметил, что сиденье, нижняя его часть, чуть-чуть оттопыривается. Начал обследовать. И увидел, что дерматин в одном месте прострочен не заводским стежком, а слегка по-кустарному. То есть подшит штопальной иглой с суровой ниткой. Дрожащими руками вспорол нитки. Засунул руку под подкладку...

И вытащил тетрадь. Старинную советскую тетрадь на девяносто шесть листов, которая раньше называлась «общей».

Это был улов!

И еще какой!

Потому что, слегка пролистнув находку, понял, что это дневник. При этом по почерку, ровному, аккуратному, было понятно, что его вела женщина.

Вернувшись домой, усталый, тут же завалился спать.

Сон был отчасти продолжением прожитого в городе мертвых дня. С той лишь разницей, что вокруг меня бродили толпы солдат и офицеров, просвечивающие насквозь. И бесплотные, потому что проходили сквозь стены. И когда задевали меня, я не испытывал прикосновений.

И вдруг появилась молодая женщина в белом халате. И тут же вся эта военная рать с каким-то утробным завыванием кинулась к ней. Женщина побежала по дороге, предварительно скинув туфли. Все быстрее и быстрее. И когда на ее пути оказался железобетонный забор, взмыла ввысь, словно ракета. И начала стремительно уменьшаться в небе, вскоре превратившись в белую точку. Точка в конце концов вспыхнула и разлетелась искрами...

Я проснулся.

Некоторое время лежал очумело, стараясь удержать в памяти эти фантастические события, словно прожитые мною наяву.

Потом решительно встал.

Было ровно четыре. В окно уже бесцеремонно вползало солнце, а в саду раздавался птичий щебет.

Достал тетрадь.

Погрузился в чтение.

Это был дневник, как я вскоре понял, совсем молодой женщины. Собственно, еще девушки. Она была родом из Норильска, где у нее были мать, отец и младший брат. И средняя школа за спиной. Окончила медицинский и по распределению попала зубным врачом на три года в воинскую часть № 51850, у которой позывной был «Адуляр». И таким раскладом она была вполне довольна – все-таки не так уж и далеко от Москвы. А потом можно было бы перебраться, скажем, в Волоколамск. Все лучше Норильска. Ну, а через некоторое время можно и еще поближе, скажем, в Химки. А то и за саму Москву удастся зацепиться.

Но при этом было абсолютно невозможно определить, как ее звали. Потому что своего имени в дневниках не упоминают. Поскольку ведут его от первого лица. То есть от «я».

Но это, собственно, и не столь и важно. Назовем ее, скажем, Ириной. Ну, или Ириной Петровной. Потому что врачей и учителей всегда называют по имени-отчеству, как бы ни были они юны.

Сделав это краткое предисловие, приступаем к публикации самого документа. Проведя, естественно, необходимое минимальное редактирование. Также будем публиковать дневник не полностью, поскольку это заняло бы слишком много места и времени для прочтения. Более того, при полной публикации размылась бы, растворилась в частностях его суть. Ну, или что мне показалось сутью этой неведомой, но ставшей мне близкой судьбы.

5 августа 1978 г.

Какая же криворукая мымра тут до меня работала?! Идут сплошным потоком. И почти у всех застарелый кариес. Пашу как папа Карло! Как какой-то сверловщик на заводе. И ляпаю, ляпаю, ляпаю пломбы. Хорошо хоть народ тут крепкий. Сидят и только молча через нос дышат. Одним словом, офицера. Да и солдатики такие же.

Правда, один пытался за задницу ухватить. Но хороший урок получил – я его нерв крючочком, крючочком... Но и он ни разу не застонал.

В общем, пациенты на загляденье. Не то что в районной поликлинике на практике.

8 августа 1978 г.

Коллектив нормальный. Женский. Только хирург мужчина. И завполиклиники – майор медицинской службы Краснопятов. А с тетками можно ладить, хоть и старухи почти – кому сорок, а кому все пятьдесят, бабульки. Да и медсестры той же категории. Только одна молодая – Шура, ей лет двадцать.

15 августа 1978 г.

Коллектив, конечно, хороший. Вот только достают, когда все вместе начинаем чай пить – такая у них тут традиция. Работы-то у всех мало, контингент крепкий, военный. Только у меня затор. Но ничего, скоро всех залечу.

Так вот за чаем начинают о своих бабьих делах. А дела-то какие – только муж, дети и кухня. Вот вокруг этого у них все и крутится. Чем так жить, удавиться легче и честнее.

29 августа 1978 г.

Ну, Шурка и душой оказалась! Закрутила с Рифатом из второго взвода, с солдатиком. Да и залетела. И только сейчас опомнилась, то есть узнала, дура, почему ее подташнивает да селедочки все время хочется. А время-то и ушло. Поздно к Марье Иванне на аборт. Потому что Марья Иванна не хочет в тюрьму. Теперь только рожать остается...

А у самой мужу осталось служить на Дальнем Востоке чуть больше года. Вот подарочек будет!

10 сентября 1978 г.

Шура, чуть что, – в слезы. Уж ее и жалеют все, дуру. Чуть ли по головке не гладят. Жалко девушку.

Собралась писать мужу, каяться. Если, говорит, ничего не зная, приедет и увидит, то точно убьет. Генка, говорит у меня такой. А так подготовлен будет. Может, и не убьет.

– А может простить? – спрашиваю. Опять в слезы.

Если не простит, говорит отплакавшись, то мне с ребенком только к родителям в деревню под Воронеж.

15 сентября 1978 г.

Некоторые уже оказывают знаки внимания! Клеятся. Выбор приличный, лейтенантиков холостых достаточно. Пытался даже один капитан подвалить, из которого труха сыплется. Но тактично так посоветовала ему обратить внимание на Жанну Сергеевну, отоларинголога, пятидесятилетнюю вдову. Он аж как рак красный стал. С ними надо только так, нельзя Белоснежку корчить – сожрут.

20 сентября 1978 г.

Шурка решила поговорить как следует со своим Рифатиком. Абсолютно глупая девушка. Ей надо за Генку своего сражаться, а она...

Ну и получила прямо по морде. В переносном, конечно, смысле. Я, говорит это животное, не уверен, что у тебя от меня. К тому же у меня в Казани невеста есть, девушка чистая. Ну, тварь! Таким бы ноги из жопы вырывать!

29 сентября 1978 г.

Андрей хорошо целуется. С Семеном интересно пообщаться на разные темы. Как говорится, ерундит. Леша очень красивый, просто Ален Делон. А там еще Коля, уже старший лейтенант. И Женя, хохмач... В общем, прямо глаза разбегаются.

Ой, держите меня, девочки!

8 октября 1978 г.

Шура все-таки написала письмо. Все ждем.

То ли простит и поймет, что маловероятно. То ли прямо сейчас приедет со своего Дальнего Востока убивать Шуру. Хотя, конечно, вряд ли ему командование даст отпуск для этих целей.

19 октября 1978 г.

Алина Александровна, уролог, большая хохмачка. Я тебе, говорит, девонька, хорошего мужа посоветую.

Это как это, спрашиваю.

Да у меня они все как на ладони. Я у всех у них члены изучила. И знаю, какой лучше подходит для мужа.

Тут все прямо чуть под стол не упали, весь чай расплескали.

Да мне, говорю, рановато пока о муже думать.

Ну, все-таки пусть будет про запас, говорит. А на первый момент, а может, и дальше, в параллель, подберу самый лучший член любовника!

В общем, славные они. Хоть и старухи.

27 октября 1978 г.

Ходят под окнами строем. Аж земля от сапог дрожит. Это, говорят, они тренируются к параду, который на ноябрьские в Волоколамске будет. Все бравые такие солдатики, загляденье.

Ну, а офицеры, те вообще из кожи лезут – аж подпрыгивают.

Говорят, что если на параде хорошо себя проявят, то это будет какой-то там плюс для полка.

29 октября 1978 г.

Шура получила ответ. Генка воспитывать чужого ребенка не собирался. Жену обзывал сукой приبلудной. Собирался разводиться. Все очень мрачно.

Хоть все это можно было бы и предвидеть. Если, конечно, иметь голову на плечах и пользоваться презервативами.

А теперь: я так его любила, так любила, до умопомрачения! Кого? Этого козла Рифата? Или Генку, когда был под боком? В общем, почти как у Толстого, в «Анне Карениной» – хоть на рельсы ложись.

Нельзя, ох нельзя в этом деле голову терять! А то в конце концов паровоз отрежет.

7 ноября 1978 г.

С утра рота ездила в Волоколамск, на парад. А потом у солдатиков какой-то особый обед в столовой. Но, не думаю, что сильно отличается от обычного. Вот и весь праздник.

А офицеры уже с обеда под хмельком. Ну, которые семейные, те дома вечером как следует вмажут. Под телевизор. Но и не только. Женщины говорили, что здесь принято на праздники ходить друг к другу в гости. Бывает так, что все еле в квартиру вмещаются.

Ну а холостые, те готовятся к танцам. Вечером в клубе будут. Я девушка свободная, почему бы не сходить?

8 ноября 1978 г.

Сходила. И сразу – к главному. Отдалась Андрею. Собственно, и я того же самого хотела. Так что тут глагол надо какой-то другой. Впечатления самые восторженные. Может, от того, что после очень большого перерыва.

Но, разумеется, все нормально – с презервативом. Потому что не дура. И умею собой владеть. Хотя, как говорится, в зобу дыханье сперли.

В общем, всё отлично.

А он нормальный. То есть не животное, которому только это надо. Потом погуляли, пообнимались, поворковали. И домой меня проводил... Правда, потом, наверно, пошел с дружками допивать.

Да, что важно. Мужчина ли он? То есть не растрепал ли все под гоготанье компании?

Не думаю.

17 ноября 1978 г.

Вот это номер! Есть ли жизнь на Марсе? То есть возможны ли отношения в старости?

У Людмилы Петровны, инфекциониста, муж, майор, убыл в командировку. Говорит, на две недели. И что же? Наша старушенция, которой под пятьдесят, и двое детей старшеклассников при ней, была уличена в прелюбодеянии! Ну, не совсем, конечно. Но мне показалось, что там всё по полной программе. Как-то поздним вечером, возвращаясь домой, я заметила, как она стоит и жмется с каким-то подполковником. Что и как было дальше – не скажу. Но такие обжимания, на мой взгляд, кончаются койкой.

Ай да тихоня!

28 ноября 1978 г.

Андрей слишком настойчив. Ему прямо каждый день подавай! Я ему – а ты не перетрудишься? На службу твою не повлияет? А то ракету не туда запустишь.

А он: нет, мы – люди привычные, натренированные.

Ну, тут я обиженной такой козочкой: это на ком это ты натренированный? Небось, ни одной юбки не пропускаешь? А я у тебя так – с боку припеку!

В общем, охладила его пыл. Разыграв обиду.

Да и пора с ним заканчивать. Приелся.

1 декабря 1978 г.

Решили мы своим женским коллективом не опускать руки, а продолжить борьбу за склейку треснувшего семейного счастья бедной Шуры. Она строчила своему Генке

письма чуть ли ни через день, но толка никакого не было. И вот мы решили привлечь к этому делу какого-нибудь мастера слова. Я предложила Семена.

Да, говорит, Эльвира Львовна, я этого мальчика знаю. Как-то раз побеседовала с ним. Очень умный. Подходит.

Я объяснила ситуацию Семену. И он согласился.

Долго расспрашивал Шуру о муже. О его характере, о том что его радует, что злит, на какие поступки способен, много ли пьет, курит, как относится к родителям. И много еще чего, казалось бы, совершенно пустякового.

А потом заперся в ординаторской и два часа сочинял.

Исписал два тетрадных листка с двух сторон.

Дал почитать самой разумной Эльвире Львовне. Не глупой же Шуре давать. Но Эльвира Львовна только пожала плечами.

Дал почитать майору Краснопятову. Тот прочитал и сказал: сильно, ты – голова!

Потом это дело переписала Шура. Вложила листочки в конверт. Написала адрес. И отправила письмо через всю страну.

12 декабря 1978 г.

Пришел ответ от Генки. Уже без угроз и оскорблений. Но с оскорбленностью – как же ты так, ведь я для тебя, а ты!

Лед тронулся. Надо было продолжать натиск.

Семен написал следующее письмо, чтобы закрепить и развить успех.

Я так расчувствовалась, что отдалась Семену. Получилось тоже очень здорово. Зайчик!

20 декабря 1978 г.

Рассталась с Андреем. По-хорошему. Он все понял и обижаться не стал. В общем, решили остаться добрыми друзьями. Сказала, что может на Восьмое марта цветочки приносить. Ну, а я его на двадцать третье февраля – в щечку.

29 декабря 1978 г.

Эта дура, решив, что дело в шляпе, сама написала Генке.

И вот уже больше недели сидим и ждем ответа. Которого, конечно, уже не будет никогда. Потому что человек закрылся на замок.

Шура то тихо плачет, то рыдает. Хотя в ее положении этого и нельзя. Живот-то уже совсем большой.

1 января 1979 г.

Гуляют тут мощно. Вино и что покрепче льется рекой. Даже кто-то из наших бабушек вчера в туалете наблевал после предновогодних посиделок.

Ну, а офицерам сам бог велел. Все ночь пускали ракеты. Горланили песни около елки, которую нарядили рядом со штабом. Плясали под баян. И с женами, у кого есть, и без них. И все это по-хорошему. То есть не то чтобы кто-то подрался бы, но и ссор никаких не было. Только одно веселье. Недаром говорят, что армия – большая дружная семья.

Семен мой оказался просто молодец. Выпил совсем немного – в основном для приятного запаха. А действительно, когда после двух-трех рюмок, то запах просто прекрасный, приятно целоваться. Разрумянился. Ловко плясал впрысядку.

А утром, часов в одиннадцать, в дверь скребется. Открываю – с лыжами, для себя и для меня. Поехали, говорит, в лес. Просто зайчик!

В лесу было здорово. Солнце светит. Небольшой морозик. Воздух чистый, и чем-то очень приятным слегка отдает. Наверно, детством.

В общем, укатались от души. Но силы, когда вернулись, на любовь остались. Зайчик!

7 января 1979 г.

От Генки никаких писем. Что-то я больно сильно на эту тему переживаю. К сердцу принимаю. Да и как иначе? Постоянно на глазах, словно овечка, которую зарезать хотят.

А может, и со мной такое может случиться? Вот и психую.

Нет, уж дудки! Со мной – никогда.

15 января 1979 г.

Семен свозил меня в воскресенье в Москву. Сходили в кино. На «Золотую мину». Потом в кафе-мороженое. Кайф!

Кстати, Семен немного на Олега Даля похож.

Он такой нежный! Когда берет за руку и в глаза смотрит, то прямо до дрожи, до дрожи!

Вот так дурочки и теряют голову.

Говорит, что в следующий раз пойдем в театр.

Зайчик!

22 января 1979 г.

Я здесь уже полгода. До конца обязательки еще два с половиной. Довольна ли я?

Ну, профессионально вполне довольна. Пациентов достаточно, так что практика хорошая. Научилась кое-чему. Удаляю без особых проблем, даже в сложных случаях. На лечение никто не жалуется. Поставила пломбу – и всё, никаких абсцессов. Раньше смотрели с недоверием, мол, зеленую дурочку прислали. А теперь, можно сказать, с радостью идут. По имени-отчеству называют. Как-то невольно услышала разговор хирурга с майором Краснопятовым. Повезло нам, говорит хирург, с зубнихой. Да, говорит, майор, повезло, не то что раньше. Может, это они, правда, по женской части? Чем черт не шутит? Но вроде бы из обоих почти песок сыплется. Да и намеков никаких не было.

Да и в бытовом смысле все нормально. Если особо не привередничать. Дали комнату в доме гостиничного типа. Из удобств в комнате только рукомойник с двумя кранами. Все остальное на этаже. Но не так уж и страшно, потому что на этаже восемь комнат и половина из них пустует. Так что все остальное нужно делить на четверых. По сравнению с общежитием меда – это настоящий рай.

Ну, и, как говорится, влилась в коллектив. Вначале бесилась. А сейчас этих тетенок чуть ли ни подружками считаю. Наверно, за доброту – они ко мне как к дочке, что ли, относятся.

В общем, всё нормально.

Но это не означает, что я навсегда останусь в этой дыре. Думаю, через два с половиной года уговаривать начнут. Потому что «повезло с зубнихой». Зарплату там. Квартиру, может, отдельную. Еще что-то...

Ну уж нет! Раз пять в год с Семеном или еще с кем-нибудь в Москву в театр и в кафе?!

Правда, тут ухажеров вдоволь. Но это аргумент только на ближайшие два с половиной года.

3 февраля 1979 г.

Анна Александровна воспользовалась тем, что командир полка – ее постоянный пациент. И между ними установились доверительные и почти дружеские отношения. Он ее ценит, и она этим иногда пользуется. Конечно, не перегибая палку. Так вот она поговорила с ним насчет Шуры. Обещал разобраться и помочь насколько это возможно.

А ему, говорит Анна Александровна, тут все возможно – царь и бог с неограниченными полномочиями.

В общем, ждем, чем это закончится.

Может, они, которые тут знают все вдоль и поперек, и имеют на этот счет какие-то конкретные предположения. Но для меня это тайна за семью печатями. Сам, что ли, на ней женится? Или ее ребенка усыновит? Точнее – увнучит, потому что полковник наш уже подошел к дедовскому возрасту.

12 февраля 1979 г.

Ужас! Погиб солдатик. Совсем молоденький, только осенью призвали. Где-то там, где у них ракеты, полез куда не надо, и его задавило. Сразу. Говорят, не мучился.

Говорят, теперь будет комиссия расследовать. Из Москвы. Наверно, кому-то не поздоровится. Потому что всегда должен быть виновный. Разумеется, не поздоровится и Петру Николаевичу, нашему главному полковнику. Потому что за все отвечать должен.

Наши тетушки в белых халатах жалеют Петра Николаевича. Ну, и родителей погибшего, конечно. Но их во вторую очередь. Потому что их в глаза не видели. А Петр Николаевич – родной.

Гадюшник!.. Нет, свинарник. Духовный свинарник!

20 февраля 1989 г.

Были с Семеном в Москве. Он раньше билеты купил во МХАТ. Говорит, еле достал, потому что шедевр. И правда. «Утиная охота» – сильная вещь. И драматург сильнейший. Но это, скорее, мужской спектакль. Страдания никем не понимаемого мужчины. Будто Гамлет какой. Но страдания жены – это не в счет. Это, как говорится, для гарнира.

Потом немного поспорили с Семеном на эту тему. Каждый остался при своих. Но до ссоры дело не дошло.

Разумеется, на ресторан или на кафе времени уже не было. Надо было возвращаться в часть...

Тьфу, блин, нахваталась уже – «в часть»! Этак скоро научусь строем ходить!

В общем, все прошло прекрасно. Хоть на секс времени не осталось. С Семеном хорошо и интересно. Зайчик!

21 февраля 1979 г.

Алина Александровна рассказала, что Петр Николаевич связался с командиром полка, в котором служит Шурин Генка. Попросил поговорить с ним по-мужски. Мол, в жизни всякое бывает. И жизнь длинная штука. Ну и так далее, по усмотрению того командира. И прояснить ситуацию – может простить и вернуться? Или же никогда и ни за что.

Ответ по каналу секретной телетайпной линии пришел отрицательный.

После чего Петр Николаевич провел воспитательную беседу с Рифатом. Действовал при помощи кнута и пряника. Либо ты с гауптвахты вылезать не будешь, либо сокращу тебе срок службы и по своим каналам помогу наладить семейную жизнь.

Рифат оказался сволочью.

Но Петр Николаевич сказал Алине Александровне, что у него в запасе есть один стратегический маневр. Так что не всё потеряно.

23 февраля 1979 г.

Сократили время приема на два часа. О том и на бумажке на входной двери написали. Никто не роптал, потому что дело святое.

Наши тетушки разложили в ординаторской огурчики-помидорчики соленые, грибки тоже соленые, всякие салатики, дома наструганные, колбаска. Да, колбаска, хоть мы далеко от Москвы, но снабжение московское. Вино и водка.

Поздравили двоих наших мужчин. Хоть хирург и не военный сейчас, но тоже служил в молодости. Всякие подарки от женского коллектива – мужскому. Вот на Восьмое марта мужчинам придется раскошелиться посерьезнее – нас-то много.

Выпили, закусили. Раскраснелись. Да и запели. Дружно. Видать, за долгие годы без всяких репетиций спелись. Запевалой была Нина Гавриловна, старшая медсестра. Голос у нее подходящий. Да и другие пели стройно, в лад. Пришлось и мне делать вид, что подпеваю.

Ну, а после окончания рабочего времени все разошлись по домам. Чтобы там делать все то же самое. День хоть и рабочий, но в военном городке его отмечают свято.

На улице поджидал Семен. Почти трезвый. И сразу же потащил меня в мою светлицу. Сильно, видать, приспичило.

1 марта 1979 г.

Сегодня чуть со всеми не поругалась. На ровном месте.

Когда пили чай, Людмила Петровна сказала, что я девушка умная, правильного себе парня нашла. Держись, говорит, за него, такие мужья на дороге не валяются.

Ну, я отшутилась. Говорю, надо у Марьи Ивановны получить на него информацию – подходит в мужья или нет.

Если бы была Марья Иванна, то разговор перешел бы на хиханьки и хаханьки.

Людмила Петровна вдруг начала меня уговаривать, на полном серьезе, чтобы я выходила за Семена замуж.

Да рано мне, говорю. Еще успею.

Смотри, говорит, короток бабий век, потом локотки кусать будешь. А так, при муже, при таком-то, будешь как за каменной стеной. Квартиру вам дадут. Детки пойдут.

И тут меня такое зло взяло. Да, выскочить тут замуж и потом до конца жизни гнить в этой дыре! Как они! Обабиться! Ходить по городку в домашнем халате...

Но ничего этого я не сказала. Сказала еще хуже. Словно черт меня за язык дернул.

Да, говорю, поселюсь здесь навечно, а потом буду ждать мужниных командировок, чтобы с подполковником в койке кувыркаться.

Людмила Петровна поперхнулась чаем и покраснела.

Почти все буквально зашипели. Разумеется, все они прекрасно знали о похождениях Людмилы Петровны, которые считали любовью.

Не буду тут упоминать, что они мне высказали. Наверно, было немало и справедливого.

В конце концов Эльвира Львовна сказала, что мы не представляли, какая же ты змея.

5 марта 1979 г.

Меня простили.

8 марта 1979 г.

Вчера все было точно так же, как и 23 февраля. С той разницей, что подарки дарили не мы, а нам. Ну а застолье было таким же – и закуски те же, и песни.

Андрей, как я ему и сказала при расставании, подарил букетик тюльпанов. Трогательно. Как и обещала, поцеловала в щечку.

С Семеном было все гораздо основательнее. Провели весь день в постели. Вечером сходили в клуб. Танцевали.

Не потерять бы голову. И не застрять здесь навсегда.

Он часто говорит, что любит. Наверно, я тоже.

18 марта 1979 г.

Шура родила. Мальчик. Здоровый. Говорят, крепкий.

4 апреля 1978 г.

В общем, это цирк. Сразу и цирк, и крепостное право. Мне до сих пор не верится. Уж не сплю ли я?

Петр Николаевич построил всю казарму на площади нашего городка.

И держал речь.

Я-то при этом не присутствовала, наши женщины рассказывали, а им мужья.

Минут двадцать говорил о том, как мы, то есть солдаты, должны любить женщин. Как беречь их. Особенно матерей. Говорил о счастье семейной жизни. Что у каждого солдата, в смысле – мужчины, должен быть крепкий тыл, каковым является семья. Что без семьи человек не может быть полноценным.

Солдатики стояли с отвисшими челюстями. Думали, полкан сверх меры коньяку выжрал, вот его и понесло.

Потом сказал, что все мы знаем Шуру из медсанчасти. И начал описывать ее достоинства – и красоту, и доброту, и преданность, и нежность, и ум... Насчет ума он, конечно, перегнул палку.

И вот эта Шура попала в беду. Какая это беда, не сказал, все и так знали.

И потом сказал, что уверен, что среди таких прекрасных парней найдется тот, кто возьмет Шуру замуж. В комплекте. Так и сказал – в комплекте.

И уж он, командир отдельного элитного зенитно-ракетного полка, сделает так, чтобы эта семья была счастлива.

После чего перечислил все слагаемые счастья, которые он, боевой командир, человек долга и чести, обязуется обеспечить.

Жениху сокращается срок службы. Поскольку у Шуры деревенские корни, то и жених, видимо, должен быть из колхозного сословия. Поэтому молодая семья поселяется в крепкий деревенский дом, который Петр Николаевич уже выхлопотал в одном из совхозов Волоколамского района. К дому прилагается приусадебный участок с плодовыми деревьями. Воинская часть 51850 материально помогает молодоженам в первоначальном устройстве быта. Молодому мужу обещана хорошая должность механизатора с перспективой роста до начальника мастерской по ремонту сельхозтехники. Конечно, для этого придется проявить себя с лучшей стороны. В совхозе есть прекрасная поликлиника, где могла бы работать молодая жена...

И это сработало! Жених нашелся!

21 апреля 1979 г.

Проводили Шуру с ребенком и мужем, которого зовут, кажется, Коля.

Правильно поют, что от Москвы до Британских морей Красная армия всех сильнее.

15 мая 1979 г.

Семена больше нет. Уехал. Его перевели в Краснодар.

И тут уж ничего поделать было невозможно – Красная армия всех сильнее. И нашей любви в том числе.

Я даже плакала. Как дура, честное слово. И ждала, что, может, он скажет – давай со мной. Что означало бы – выходи за меня замуж.

Нет, я, конечно, отказалась бы.

Может, правда, это я сейчас так. Как лиса в басне Крылова про виноград...

Но не сказал.

Обещал писать... Но, понятно – новое место, новая жизнь, новые радости.

У Зайчика!

Может, не сказал потому, что не видит во мне, как сказал полковник, крепкого тыла...

Может, во мне изъян какой-то. Проводить со мной время в радости – это одно. Но есть и другое...

20 мая 1979 г.

Коллеги меня всячески утешают. Что я им, Шурка, что ли, безмозглая?!

В конце концов не выдержала, сказала, что не надо мне вашей сердобольности. Что отныне буду посылать всякую сострадалицу на фаллос. Мол, дело мое личное, и нечего тут!

Не обиделись. Умные. Жизнь прожили. Ну, и понятное дело, врачи, знают, что где у кого болит и за что не надо руками хвататься, чтобы боль не возростала.

29 мая 1979 г.

Майор Краснопятов спросил, играю ли я в волейбол. Сказала, что в институте когда-то играла за сборную факультета. Он прямо засиял. Говорит, поедешь на спартакиаду. Военно-спортивная спартакиада Московской области, надо мужскую и женскую сборные выставить.

Ну, согласилась. Всё какое-то развлечение. А то не могу уже в разинутые пасти глядеть!

4 мая 1979 г.

Тренируемся на волейбольной площадке. Вместе с мужчинами. Но толку от этого мало. Потому что офицерские жены варят такие наваристые борщи, что жирок повсеместно откладывается. Да ладно, не на Московскую олимпиаду поедем.

12 мая 1979 г.

Приехали в Подольск. Каким-то чудом доползли до четвертьфинала. Ну, а там нас высадили десантницы. Эх, и крепкие бабищи – мячом в лоб попадут, так только в госпитале в себя придешь.

Ну а ребята наши – молодцы, второе место заняли. Грамоту домой привезли. И каждому на грудь по медальке на красивой ленточке.

20 июня 1979 г.

Нину Гавриловну побил муж. По пьянке.

Ну, то есть она не сказала бы ни за что, но два синяка никак не спрячешь. Под глазом и на плече, чуть выше локтя.

Все шумят, возмущаются. Говорят, что так это дело оставлять нельзя. Надо заявление в партком. Уж там его пропесочат будь здоров как, навсегда охоту отшибут.

Однако вскоре успокоились. Потому что это заявление не только ударит по хулигану, но и по его жене, и по детям. Потому что выговор, скорее всего, внесут в личное дело. То есть при рассмотрении вопроса и о присвоении очередного звания, и о распределении каких-либо материальных поощрений кандидатура хулигана будет рассматриваться в самую последнюю очередь.

А скоро выяснились и причины этого зверства. Марья Иванна шепнула Жанне Сергеевне, но я расслышала, что, наверно, муж застукал Нину Гавриловну с майором Григорьевым.

Кто это такой, понятия не имею. Поэтому не знаю, стоило ли Нине Гавриловне так рисковать, чтобы получить по морде за любовные (так считают все мои коллеги) приключения с не пойми кем.

1 июля 1979 г.

Влюбилась! Вот теперь уже совсем как дура. То есть когда он со мной заговорил, то я начала путаться в словах, понесла какую-то околесицу. Хорошо же представилась!

А всего-то надо было объяснить, как пройти в комендатуру. Улыбнулся моему лепету. И, наверно, в душе пожал плечами.

Да! Улыбка как у Гагарина!

3 июля 1978 г.

Юра. Перевели к нам из Краснодара! О, боги!

Это сказала Лидия Степановна, терапевт. Он приходил в поликлинику на учет вставать.

5 июля 1979 г.

Каждое утро стала краситься особенно тщательно. Именно тщательно, а не с перебором. Потому что с перебором отпугнешь на фиг.

Но так больше и не попадался ни разу.

Точно, как дура.

7 июля 1979 г.

Накупила в магазине всякого килограммов, наверно, на семь. Несу, через десять шагов руки меняю. А навстречу он.

Помочь, спрашивает. Хоть и заволновалась, но сообразила, что ломаться особо не стоит – мол, привычные мы. Нельзя и в другую крайность – ой, счастье какое, держите скорей, благодетель мой. Согласилась, сохранив достоинство.

– А что, – спрашивает, – муж-то на дежурстве? Что одной приходится тяжести таскать.

– Да нет, – говорю, – мужа, не завелся.

– Ну, а ухажер?

– А вы хотите, – говорю, – хотите им быть? – И рассмеялась.

– С удовольствием! – Понятно, тоже засмеялся.

Тут надо сразу же менять тему. Вот, вот, начала у меня голова работать! Не дура!

– Вам у нас, – спрашиваю, – понравилось?

– Ну, – говорит, – служба всюду одинаковая. Ракеты те же самые, уставы на одном печатном станке отпечатаны.

– Ну, все-таки разница-то есть, – говорю. – В Краснодаре сейчас, наверно, пекло жуткое?

Раскрылась, дура! Что присматривалась, сведения собирала.

Но он и глазом не повел. Выдержка.

Дошли до общаги. Пригласила чаю попить. Согласился.

Ну, то есть можно предположить, что, будучи мужчиной, вызвался бы тяжелое поднести и Жанне Сергеевне или Людмиле Петровне. Но от чая бы отказался.

И вот сидим мы с ним, чай пьем, болтаем. По большей части я, поскольку надо человека как-то слегка просветить по части местных обычаев, нравов... Да, разумеется, я сразу же представилась. Заходите, говорю, если вдруг с зубами что-то не то будет.

Он расспрашивает, есть ли речка или озеро, чтобы купаться, собирают ли тут грибы, как насчет спорта – он волейболист...

И вот сижу я, слушаю эти малозначащие слова и ощущаю, что от него какие-то волны невидимые идут. И вот какие они – точно сказать невозможно. Разве что притягательные и теплые. И начинаю понимать, что вот оно. Нет, не любовь с первого взгляда. А то, что мы предназначены друг для друга. Что подходящее Юры для меня нельзя найти во всем мире.

Но сейчас нельзя отпускать на свободу эмоции. Это его напугает. Ну, или наоборот – неправильно поймет, что, дескать, путь свободен, вперед, в штыковую атаку!

Поэтому контролирую свое лицо, хоть и непросто это. Непросто одновременно быть и душой, и архитектором собственного счастья (кажется, так в глупых книжках про позитивную любовь пишут).

Поболтали так примерно час. Хоть у меня все время и перепуталось. И он ушел. Улыбнувшись на прощанье.

Когда шаги в коридоре стихли, я бросилась на кровать и разрыдалась.

Тушь, тени – насмарку...

Что если бы он вернулся в этот момент?

10 июля 1979 г.

Вчера опять встретила Юру. Совершенно случайно. Велела прийти на профилактический осмотр.

Сегодня убедилась, что зубки ровненькие и крепенькие. Изо рта пахнет приятно. Губы теплые – специально при осмотре рукой касалась.

Эх, и приятно же, наверно, с ним целоваться!

Чувствует ли он, что мы сделаны друг для друга? Только друг для друга, и ни для кого больше.

Пообещала показать Юре озеро. Волнуюсь. Как у меня со складками и всем таким прочим?

15 июля 1979 г.

Вчера вечером ходили купаться. Хоть и в форме он статный и ладный, но под ней просто атлет. Глаз не оторвешь. Все такое рельефное, пропорциональное. Ну, и в плавках, судя по объему, тоже должно быть все в порядке.

Перед этим целый час выбирала купальник. Хоть их у меня только два. Надевала один, гладела на себя в зеркало, потом другой, потом опять первый. Выбрала самый строгий, слитный, а не раздельный. Не Софи Лорен, нет, совсем не Софи Лорен. Но, как я поняла, Юре понравилось.

В общем, плавали, дурачились, брызгались. На песочке полежали. Место хорошее выбрали – и песочек чистый, и вода прозрачная, и ни души вокруг.

Поцеловал. В первый раз.

Я как будто летела куда-то с замиранием духа. То ли вниз, то ли вверх...

Господи, что же с моими бедными мозгами будет, когда дело до постели дойдет?! Как я это выдержу?!

Всю дорогу домой целовались. Как только ноги не поломали.

Вернулись, когда уже почти стемнело.

У общаги Юра стал напрашиваться на чаёк. Соврала, что сегодня мне нельзя. Нет, так сразу нельзя, никак нельзя...

22 июля 1979 г.

Вчера все произошло. Словно ураган. Но мозги мои выдержали.

Описать ощущения не могу. Потому что в каком-то беспамятстве.

29 июля 1979 г.

Приезжала Шура. Ее кто-то довез до КПП. Пришлось попросить двух солдатиков, чтобы подарки притащили. Две здоровенные сумки с яблоками и грушами для Петра Николаевича, отца родного. Одну для нас.

Говорит, что счастлива. Очень. Все у них с Колей замечательно. К Мишеньке относится как к своему сыну. Работает на тракторе, получает хорошо. Так что Шура не будет отдавать сынка в ясли, а досидит с ним до детского сада.

Ко всему прочему Коля работающий. То есть всю мужскую работу по дому делает в лучшем виде. Беседку в саду поставил, чтобы жена с сынком на свежем воздухе и в тенишке. Сена козе заготовил.

В общем, если раньше Шура все время плакала, то теперь улыбается с перерывами на беззаботный смех.

Да, Красная армия всех сильнее!

3 августа 1979 г.

Наконец-то услышала «Люблю»! В постели. Правда, может быть, он и раньше говорил. Но разве в забытии что-нибудь поймешь и осознаешь? Только прикосновения, и только глаза.

6 августа 1979 г.

Наши тетушки уже перешептываются насчет нас с Юрой.

А Алина Александровна, тетка простая и несентиментальная, со своей дежурной шуточкой. Когда все чай пили.

Пока, говорит, девонька, ничего тебе сказать не могу. Он ко мне на осмотр пока еще не приходил. Так что подожди, не торопись. Вдруг его член для тебя не подойдет. Или ты уже?

Я промолчала.

Поставила чашку. И пошла к себе в кабинет.

Видать, втюрилась девка, – услышала у себя за спиной. Слух-то у меня хороший.

15 августа 1979 г.

Юра возвращается с дежурств абсолютно вымотанный. Да и кроме дежурств он проводит чуть ли ни все время на своей точке. Где у них ракеты. Говорит, что сейчас заменяют ракеты «Беркут» на «Фаворит». Так что любовь только урывками. А так хочется почаще и побольше.

А урывками – это суетливо. Не залететь бы.

20 августа 1979 г.

Юра сказал, что его и еще девятнадцать офицеров отправляют в командировку, в Москву. Будут осваивать на курсах новые ракеты.

На целый месяц! С середины сентября до середины октября.

25 августа 1979 г.

А ведь я могу его потерять! Навсегда! Переведут в другой город. Помашет, как Семен, ручкой. И до свидания. То есть – прощай. И останется только вспоминать счастье, которое на меня обрушилось. Вспоминать любовь.

И что потом? Приедет к нам еще какой-нибудь красивенький мальчик... Ну, и дальше по кругу. По замкнутому для меня кругу. И это притом, что больше в мире нет никого, кто подходил бы лично для меня, как Юра.

Буду волчицей выть.

Надо что-то делать! Что-то надо делать!

27 авг. 1979 г.

А надо забеременеть!

Нет, это совсем не тот случай, что с глупой Шурой. Судьба офицера от много зависит. В том числе, как говорят в телевизоре, от морального облика. Бросить женщину с ребенком – за это по головке не погладят. И по партийной линии – Юра ведь член партии. И командованию это сильно не понравится. Командование сделает соответствующие

выводы и будет притормаживать продвижение по службе. Так что деваться Юре будет некуда...

Ну, не стерва ли я?!

Да и чем все это закончится, если Юра узнает правду? Ведь возненавидит меня.

28 августа 1979 г.

Нет, не стерва! Потому что у нас будет идеальная семья. Потому что мы созданы друг для друга. И никого лучше меня ему не найти. Я сделаю его счастливым на долгие годы.

Забеременеть! Уж я придумаю, как сделать. Не дурочка. С медицинским образованием.

1 сентября 1979 г.

Получилось? Дай бог!

Дай мальчика или девочку!

5 сентября 1979 г.

Спросила Юру, почему тогда, у магазина, спросил про мужа.

Он отшутился. Говорит, что всех таких красивых сразу разбирают.

Пошутила и я, осторожно. А не боишься, что такую красивую у тебя уведут?

Кто ж тебя отпустит, продолжил он в том же тоне.

Узами, что ли, привяжешь? – спрашиваю. И опять же весело улыбаюсь.

И обузами, нашелся он.

Но чувствую, дошло до него. Дошло до голубчика. Удочка заброшена.

10 сентября 1979 г.

Ничего нового.

Нервничаю.

15 сентября 1979 г.

Проводила Юру. Курсы в какой-то артиллерийской академии. Будет жить в гостинице. Дал адрес. Буду приезжать на выходные.

21 сентября 1979 г.

Юра заказал на меня пропуск в гостинице. Поднимаюсь. Он один в комнате.

Понятно, что сразу же обниматься-целоваться.

И вдруг он отстраняет меня и, глядя прямо в глаза, – выходи за меня замуж.

Сижу с открытым ртом. В связи с чем он, видимо, думает, что меня уговаривать надо. И начал высказывать абсолютно мои мысли. Что мы созданы друг для друга. И что на всем свете нет для него лучше меня. И что он сделает меня счастливой на долгие годы.

Да, согласна?

Да, ответила я. И разрыдалась.

26 сентября 1979 г.

Началась менструация!

Господи, спасибо, родной боженька, что спас меня, что не дал построить все на лжи! И тогда жизнь превратилась бы в сущий ад. Вся жизнь состояла бы из бесконечной лжи!..

А вдруг у меня не может быть детей?..

Дура!

28 сентября 1979 г.

Была у Юры. В номере накурено. Кто-то отсыпается непонятно от чего. Другой читает книгу.

Погуляли по Москве. Просто так. Солнечно. Листья шуршат на бульваре. Говорили о свадьбе. Но так ни о чем и не договорились – когда расписываться, где гулять, сколько гостей, когда вызывать родителей. Его-то родителям попроще – они поближе, в Калинин.

Замерзли и пошли греться в кино. Какую-то муру показывали – «Безотцовщина». Но следить за сюжетом, совершенно безысходным, было некогда – сидели на последнем ряду и целовались.

Потом посидели в кафе, перекусили. Немного коньячку выпили. Ты, говорит Юра, покраснелась, как наливное яблочко из сказки про Белоснежку. Рассмеялась, потому что после коньяка все смешно.

А сейчас-то оторопь меня взяла. Наливным-то этим яблочком злобная королева отравила Белоснежку. Случайно ли это у него с языка сорвалось, от коньяка?

Но тогда не придавала значения. Посмеялись еще, обсуждая наше будущее. Даже до рождения ребенка дошли.

Поели мороженого. И Юра проводил меня на электричку.

7 октября 1979 г.

Застрелился муж Эльвиры Львовны. Перед смертью ничего не написал.

Я его ни разу не видела. Коллеги говорят, что в молодости был лихим парнем, веселым. Любил женщин. И они его. Но Эльвира Львовна неизменно его прощала. Потому что не любить его было невозможно. Это все наши в один голос.

К сорока как-то сник. Подурнел. А потом стал и вовсе угрюмым, словно какую-то ношу на плечи взвалил. Или на него взвалили. Вот, наверно, она его окончательно и придавила. Но это так, мои абстрактные рассуждения, не зная человека, не зная ситуации.

Эльвиру Львовну все жалеют. И ни у кого ни малейшей мысли, как мне кажется, что это он из-за нее.

Правда, сказала мне по секрету Жанна Сергеевна, ее уже давно жалели. Потому что прекрасный принц вдруг превратился в сущего бирюка. Хоть и неверный был принц, но бирюк-то никому не нужен.

10 октября 1979 г.

Похоронили.

Говорят, что это не первый случай. Раз в пять-семь лет стреляются. И никто не оставляет предсмертной записки. Бывает, что и совсем молодые.

15 октября 1979 г.

Уже как неделю подали заявку в ЗАГС. Регистрация назначена на праздник, на 7 ноября. Тогда же и свадьба.

Мне сказали, что в городке есть отличная портниха. По долгу службы офицерам форму подгоняет. Но, разумеется, обшивает и поселковых модниц. Вот у нее и закажу платье.

22 октября 1979 г.

Юра углубился в проблему устройства свадьбы. Разумеется, придут все желающие поздравить офицеры. С женами, у кого есть. Так здесь заведено. Накормить всех и тем более напоить на наши с Юрой зарплаты невозможно. Но есть простой выход. Все будет происходить в офицерской столовой. И повара приготовят меню попроще из продуктов, которые есть на кухне. Это за счет полка. Мы, конечно, закупим, сколько сможем, деликатесов в магазине – сырокопченой колбасы, красной рыбы еще чего-нибудь. Пусть и не на всех хватит, но все-таки, для торжественности. Купим и вина с водкой. Ну, а офицеры еще сколько-то с собой принесут. Тут так принято.

Да, будет играть оркестр! Наш, полковой.

5 ноября 1979 г.

Все готово. Кроме платья! Портниха успокаивает. Не тебя, говорит, первую замуж отдаю, все будет в лучшем виде.

8 ноября 1979 г.

Была свадьба. Но я про нее ничего толком написать не могу. Потому что это было как во сне. Все крутилось и вертелось, тосты, музыка, сто, наверно, разных людей, мало кого из них я знаю. Или даже больше ста.

Да, был, конечно, Андрей. Поздравил очень хорошо, по-дружески.

Юра был прекрасен. Теперь муж.

А я жена. Пока еще не привыкла.

Юра переехал ко мне в комнату. Говорят, скоро могут дать отдельную квартиру.

30 ноября 1979 г.

Ну вот, а я опасалась, что не смогу. Беременна я. Марья Иванна подтвердила.

Немного боязно.

20 декабря 1979 г.

Легкое недомогание. Все как в учебниках пишут. Все через это проходили. Пройду и я. И у нас будет девочка. Правда, Юра настаивает на мальчике. Но посмотрим, все желанны.

28 декабря 1979 г.

Началась война в Афганистане. Ограниченный контингент. Но Юра говорит, что будет большая мясорубка. И контингента понадобится много, десятки тысяч.

Волнуюсь, не послали бы его. То есть наш полк, и его вместе с полком. Но Юра успокаивает, говорит, что оголять оборону Москвы никому в голову не придет. Да, конечно, это так.

2 января 1980 г.

На Новый год в городке не было обычного веселья. Точнее – все было потише. Наверно, из-за Афганистана. Все понимают, что их части это не коснется. Но все же. Ведь люди погибать будут непонятно ради чего. Может быть, уже погибают, когда у нас ёлочка на площади.

10 января 1980 г.

Ходили с Юрой на лыжах. Это в моем положении необходимо. Необходимо двигаться, разумеется, в разумных пределах. Ну, к тому же и приятно – на свежем морозном воздухе, елки в снегу, пар изо рта. Так, кстати, целоваться довольно интересно, с паром.

На полянке видели лису. Рыжая, хвост пушистый. Посмотрела на нас нагло, потому что без ружей, и лениво ушла в ближайшие кусты.

20 января 1980 г.

Привыкаю сразу к двум новым своим состояниям. Жены и будущей матери.

Роль жены. Тут скорее требуется психологическая вовлеченность. Потому что быт – это не столь уж и сложное занятие. Что раньше для себя одной делала, теперь для двоих.

А вот роль будущей матери – это уже не роль. Роль – когда стану матерью. А сейчас это физиологические испытания.

В общем, я счастлива.

Все сошлось, мы действительно идеально подходим друг к другу. Как, например, замок и единственный ключ, который может его открывать.

29 января 1980 г.

На Юриной батарее солдат сломал руку. По дурости. Полез не туда и не в то время, и вот результат. Еще хорошо отделался. Лев Сергеевич, хирург, наложил гипс. Говорит, перелом простой, все быстро срастется.

Переживаю. Как бы Юре не испортили личное дело.

4 февраля 1980 г.

Все обошлось. К Юре никаких претензий.

10 марта 1980 г.

Лев Сергеевич собрался уходить на пенсию. Говорит, что уже присмотрел домик во Владимирской области. Сговорился о цене. И будет там наслаждаться природой. Он, оказывается, заядлый рыбак. А я этого и не знала. Я вообще мало что знаю о коллегах. Своя жизнь гораздо интереснее.

15 марта 1980 г.

Теперь я буду писать значительно реже. У меня и у Юры новостей сейчас немного. Период привыкания и открытий в области семейной жизни уже почти завершился. Я готовлюсь стать матерью. Как – это рассказать невозможно. В основном внутренние ощущения, которые словами не передаются.

На работе уже давно все идет по накатанной колее – сверлю, пломбирую, дергаю. Юрины служебные дела мне не очень понятны по части техники. Хоть он и пытался мне рассказать, чем ракеты «Фаворит» лучше ракет «Беркут». Единственное понятно, что они дальше летают.

А у наших тетушек уже давно коlea такая глубокая, что, мне кажется, они говорят не словами, а предложениями, фразами, которые затвержены давно раз и навсегда.

Да, к счастью, никто из мужей больше не стреляется.

15 апреля 1980 г.

Уже давно настоящая весна. Хоть в лесу пока еще снег не растаял. Я теперь часто в лесу бываю. Юра постоянно выгоняет на прогулку. Да, конечно, для меня это сейчас полезно. Ну, разумеется, и для нашего мальчика. Или девочки.

Хоть у Юры и много работы в связи с освоением новых ракет, но он старается по возможности гулять вместе со мной. Это очень приятно.

Да, научилась варить именно такой борщ, который ему больше всего нравится. Хоть борщом его назвать и непросто, потому что к капусте, морковке, свекле и прочим составляющим добавляю немного гречки. Такой вот у них, ракетчиков, вкус.

25 мая 1980 г.

Проводили на пенсию Льва Сергеевича. Стол накрыли. Всякие душевные слова говорили. Выпивали, кроме меня, конечно. Закусывали. А к середине вечера спохватились – главная закуска кончилась. Я все соленые огурцы за милую душу уплела.

3 июня 1980 г.

Юра постоянно на работе. То есть на точке, на своей батарее. Через неделю должны быть какие-то испытательные запуски. Говорит, надо сбить ракетой самолет-мишень. От этого очень многое зависит.

11 июня 1980 г.

Все у Юры получилось. У других тоже. По этому поводу офицеры изрядно выпили. Юра пришел, пошатываясь. Такой смешной. Все лез целоваться. Но меня сейчас от таких запахов аж корежит. Поэтому постелила ему отдельно. Ничуть не обиделся.

В общем, я счастлива.

Да, совсем скоро мне уходить в декретный.

7 июля 1980 г.

Уже три дня как в отпуске. До родов осталось два месяца. Если, конечно, Марья Иванна все правильно посчитала.

Живот уже большой. Ношу осторожно. Юра оберегает от вредных нагрузок. Хотя и выгоняет по-прежнему на прогулки. Но уже как гусыня, вперевалочку, потихоньку.

Однако совсем расстаться на эти два месяца с работой не получается. Приходят домой несчастенькие с острой болью. Говорят, что на стену лезут. Приходится их выручать. Доковыляю до кабинета, бормашину в руки или щипцы, и люди успокаиваются. Так что врач – это не профессия, а нечто иное.

12 июля 1980 г.

Не знаю, как бы я без Юры! Просто ангел какой-то, ангел-хранитель!

Как с беременностью справляются одиночки? Да та же Шура. Правда, я тогда в этом деле ничего не понимала.

18 августа 1980 г.

Марья Иванна мной довольна. И это главное. Ну, не только мной, но еще и моим маленьким, который уже вовсю пихается.

25 августа 1980 г.

Волнуюсь. Очень волнуюсь.

10 сентября 1980 г.

Ну, вот мы и дома. И нас теперь трое.

Достается ли теперь моей любви хоть немножко Юре? Или же всю забирает Сереженька?

25 сентября 1980 г.

Прорва работы. Пеленки, подгузники, кормление (с молоком, тьфу-тьфу-тьфу, все в порядке), прогулки и еще по мелочам вагон и маленькая тележка. Спасибо, Юра здорово помогает. Хотя и похудел за это время.

15 октября 1980 г.

Острым больным помогаю в самых крайних случаях, когда вижу, что им совсем невмоготу. Господи, еще и их жалеть приходится! Надо было в финансовый поступать.

25 октября 1980 г.

Через три дня декретный отпуск заканчивается. Потом возьму очередной. Это еще почти месяц. А что потом?

Яслей у нас нет. Потому что офицерские жены могут сколько угодно с детьми сидеть. А я-то при этом еще и врач. Вот угораздило-то!

8 ноября 1980 г.

Праздник отметили скромненько. Рислингом и апельсинами. Не до праздников.

20 ноября 1980 г.

Ну, какой-то компромисс с майором Краснопятовым нашли. Буду работать на полставки, четыре часа. А в это время с Сереженькой будет сидеть Лена Краснова, у нее тоже мальчик, две недели разницы.

Но как с кормлением? Если вдруг расплатится, вздохнет. Лена говорит, что у нее молока на двоих хватит. Ну уж нет! Договорились, что в таких ситуациях будет звонить, и я прибежу. Это совсем рядом – пять минут. Сейчас я могу уже как лосиха носиться!

10 декабря 1980 г.

Все идет на удивление хорошо. С Сереженькой.

А Юре собираются скоро квартиру дать. Вот заживем!

2 января 1981 г.

Новый год отмечали уже в новой квартире. Как-то это быстро все получилось.

15 января 1981 г.

Только что до меня дошло – три года уже пролетели. И теперь я свободна. То есть могу менять работу.

Но какая уж тут свобода у офицерской жены...

Да и нужна ли она мне теперь?

Эх, не обабыться бы!

30 января 1981 г.

Юра говорит, что в Афганистане у нас большие потери.

12 февраля 1981 г.

Начала Сереженьку прикармливать кашками и кефирчиком.

Все идет нормально. Подросток. Очень подвижный. Стоит на ножках, когда я его придерживаю. Приседает, чуть ли не подпрыгивает. Гуглит. Вовсю смеется. Скоро начнет резаться первый зубик.

28 февраля 1981 г.

Как же резко все меняется! Юру переводят в Белоруссию. С повышением – обещают капитанскую должность.

Ну вот она, жизнь офицерской жены...

Господи, что было бы, если бы я его не любила!

9 марта 1981 г.

Ну, вот и отпраздновала последний здесь праздник. Какое-то тревожное празднование получилось. Хоть Юра меня всю обцеловал. Был необыкновенно нежен. Понимает, что я сейчас переживаю.

Правда, накануне праздника наши тетушки то ли пытались меня успокоить, то ли действительно были искренни, но в один голос о том, как мне завидуют. И приводили себя в качестве отрицательного примера. Дескать, они просидели всю жизнь на одном месте, а потому этой жизни не видели. То есть ее разнообразия. А интерес к жизни бывает только от разнообразия. И это скрепляет семью. И так далее, и тому подобное...

15 марта 1981 г.

Это последняя запись. Дневник оставляю здесь. Брать с собой нельзя, потому что может Юре на глаза попасться. И что-то ему может быть очень неприятно.

Чемоданы сложены. Послезавтра уезжаем. В неизвестность.

На этом дневник заканчивался.

Героиня со своими драгоценными Сереженькой и Юрой, действительно, для нас, теперешних наблюдателей, оказались в полной неизвестности.

Можно было бы, конечно, попытаться на основании истории некогда великой сверхдержавы пофантазировать об их пребывании/проживании в некогда братской республике, входившей в состав Советского Союза.

Однако делать мы этого не станем. Потому что вторжение в неведомое будущее чревато непредсказуемыми последствиями для прошлого.

Да, конечно, Бредбери в фантастическом рассказе «И грянул гром» говорит о том, что даже минимальные изменения в прошлом способны привести к непредсказуемым последствиям в будущем.

«Раздавите ногой мышь – это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли, в корне изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека – смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве. Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом, только в Азии расцветет пышная жизнь. Наступите на мышь – и вы сокрушите пирамиды. Наступите на мышь – и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон...»

Однако это справедливо исключительно для материального мира. Нас же интересует проблема вербального, проблема текста, который живет своей сложной жизнью, зачастую не зависящей от воли автора.

Начнем фантазировать насчет того, как наша героиня устроилась в Белоруссии. В каком дивизионе начал служить Юрий. Как крохотный Сережа пошел и вскоре пошел в школу. Как они проводили свободное время. Какую музыку слушали...

И вдруг обнаружишь, что многие места в оставленном в прежней жизни дневнике не могут быть написаны этой женщиной, ставшей уже иной. А потом уже и совсем другой. И весь дневник придется переписывать заново. И он уже не будет жестко привязан к военному городку, расположенному в лесах Волоколамского района.

Дневник повиснет в воздухе где-нибудь между Россией и Белоруссией. Точнее – Беларусью, как сейчас называется это независимое государство.

Так что предоставим этому семейству полную свободу. Пусть они выстраивают свою жизнь, как считают нужным.

И будет им счастье!

В их будущем.

Которое для нас уже закончилось.